

Дэя Лу
У старого дуба

«Автор»

2026

Лу Д.

У старого дуба / Д. Лу — «Автор», 2026

Марк боится мостов. И мотоциклов. Три года назад он видел, как его брат Кирилл разбился на чёрном мотоцикле прямо у него на глазах — и с тех пор его мир стал серым и тихим. Пока за стеной не появилась Ася. Она чинит мотоциклы, печёт подгоревшее печенье и однажды стучит в стену три раза. Так начинается их история. Марк снова берёт в руки карандаш и начинает чертить мост, который когда-то нарисовал его брат. Ася показывает ему, что даже разбитые вещи можно собрать заново, если вложить в них душу. Но прошлое не отпускает их. В гараже Аси стоят два мотоцикла: чёрный — восстановленный после аварии, и фиолетовый — подарок, который Кирилл собрал для неё. Марк не знает, что она хранит шлем брата, его чертежи и письмо, которое он не готов прочитать. «у старого дуба» — это роман о том, как страх становится дорогой, а прошлое — опорой, если идти по нему не одному. О двух мотоциклах, которые не прощают ошибок, и об одном мосте, который держит тех, кто решает идти вперёд.

© Лу Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1. Кофейня у старого дуба.	8
Глава 2. Три удара в стену	13
Глава 3. Первый шаг.	18
Глава 4. Ночной ветер.	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Дэя Лу У старого дуба

ПРОЛОГ

День, когда поезд не остановился.

Дождь начался ровно в 16:42.

Крупные, холодные капли разбивались о мутное стекло вагона, оставляя на нём извилистые, мутные дорожки. Они стекали вниз, сливаясь в единый поток за окном, превращая мир в размытую, серо-зелёную акварель. Поезд мерно покачивался, издавая ритмичный стук колёс о стыки рельсов.

Марк сидел у окна, сжимая телефон так сильно, что пластиковый корпус жалобно хрустнул под его пальцами. Ноготь большого пальца побелел от напряжения. Он смотрел на экран — на последнее сообщение, которое пришло пятнадцать минут назад.

«Прости. Я больше не могу. Мы разные. Я не хочу быть твоим «проектом». Прощай».

Слова жгли глаза. Внутри него разливалась не просто обида — там разрасталась чёрная, липкая пустота. Руки дрожали.

Ему нужно было услышать голос. Единственный голос, который мог вытащить его из этой чёрной ямы. Он набрал номер Кирилла, и его палец дрогнул, когда он нажал на кнопку вызова. Трубку взяли после первого же гудка — брат всегда отвечал мгновенно.

— Марк? — голос Кирилла был хриплым, привычно-беспечным. — Ты чего звонишь в такую рань? Я тут в гараже, масло сливаю, весь в мазуте. Ты как?

— Она ушла, — выдохнул Марк. Его голос сорвался. — Кир, она просто написала сообщение и ушла. Я не знаю, что делать. Я не могу сидеть один.

На том конце провода повисла тяжёлая тишина. Марк слышал, как Кирилл с глухим звоном бросил тяжёлый гаечный ключ на бетонный пол.

— Слушай меня, — сказал Кирилл жёстко. — Не двигайся. Я сейчас сажусь на байк и выезжаю. Скажи, где твой поезд.

— Я еду по западной ветке. Скоро буду проезжать мимо старого моста, на въезде в город...

— Я знаю эту трассу, — перебил Кирилл. — Держись, брат. Я лечу к тебе. Увидимся через сорок минут.

Гудок. Связь оборвалась. Марк убрал телефон в карман и прижался лбом к холодному, вибрирующему стеклу.

За спиной у него остались годы, о которых он сейчас не мог думать без боли. Они с Кириллом начинали кататься вместе. Марк был тем, кто первым сел на мотоцикл, когда они были подростками. Он помнил, как его руки тряслись, когда он впервые выжал сцепление, как Кирилл бежал рядом с ним и кричал: «Давай! Я держу тебя!».

Они гоняли по ночным трассам, менялись шлемами, подшучивали друг над другом. Мотоцикл был их общей кровью, их тайным языком. Марк знал, что такое адреналин, знал, что такое ветер в лицо и свобода за поворотом.

Но теперь, глядя в мокрое окно, он чувствовал только пустоту.

Он увидел Кирилла через двадцать минут.

Чёрный мотоцикл вынырнул из пелены дождя, точно хищный зверь. Фары резали серую мглу, оставляя за собой длинный, белый хвост света. Кирилл нёсся по мокрой трассе параллельно железнодорожным путям, обгоняя машины.

Он поднял правую руку — чёрную перчатку с потертым запястьем — и помахал Марку. Даже сквозь стекло и шум дождя Марк видел, как широко улыбается его брат. На затылке чёрного шлема красовалась наклейка — череп в розовых очках.

Марк слабо улыбнулся в ответ. Он прикоснулся пальцами к стеклу, оставляя на нём мутный отпечаток ладони.

— Ну давай, покажи, на что способен, — прошептал он.

Кирилл будто услышал его сквозь вой ветра. Он выжал газ. Мотор взревел, издавая низкий, вибрирующий рык. Мотоцикл дернулся вперёд. Кирилл рванул руль на себя, и чёрная машина встала на заднее колесо, взметнув фонтан мутных брызг из-под передней покрышки.

Марк засмеялся. Хрипло, на выдохе. Он поднёс руку к стеклу в ответном жесте. Это был их старый ритуал — когда один из них делал трюк, второй должен был поднять руку в ответ.

И в этот миг чёрный байк резко дернулся, пошёл юзом на мокром, скользком асфальте. Шины завизжали — высокий, пронзительный звук. Кирилл попытался выровнять, перехватил руль, но скорость была слишком высокой, а дождь слишком сильным.

Секунда — и мотоцикл завалился набок. Каскад искр брызнул во все стороны. Марк увидел, как тело брата оторвалось от байка и с глухим, страшным ударом врезалось в бетонный отбойник. Шлем слетел, покатился по мокрому асфальту, оставляя за собой кровавый след.

— НЕТ! — заорал Марк, вскакивая с места. Он ударил кулаками по стеклу. — КИРИЛЛ!

Поезд не остановился. Он набирал ход, унося Марка дальше, прочь от места трагедии. Марк бил по стеклу, пока костяшки его пальцев не разбились в кровь, оставляя на прозрачной поверхности алые разводы.

В окне оставалась лишь мокрая, пустая трасса и чёрное, неподвижное пятно на асфальте. Машины объезжали его, сигналили. Дождь стучал по бетону, смывая кровь в придорожные канавы.

Марк опустил на сиденье. Он смотрел на свои разбитые костяшки. Он смотрел на пятно, которое исчезало за поворотом.

В тот день он поклялся себе: он больше никогда не сядет на мотоцикл. Никогда. Он не будет смотреть на них, не будет их слушать. Он похоронил этот мир вместе с братом.

Глава 1. Кофейня у старого дуба.

Три года, после аварии Кирилла.

Марк не выходил из дома уже сорок семь дней. Он не считал их намеренно — просто однажды утром он проснулся, посмотрел в мутный, серый прямоугольник окна и понял, что считать дни больше не имеет смысла. Время потеряло свою линейность. Оно текло мимо него, как вода сквозь пальцы, оставляя только липкое, тягучее ощущение пустоты.

Его квартира находилась на третьем этаже старой хрущёвки в спальном районе. Дом был построен в середине семидесятых — бетонные стены, узкие лестничные пролёты, облупившаяся краска на перилах. Квартира Марка была маленькой, тесной, с единственной комнатой, которая служила и гостиной, и спальней, и кабинетом. Стены здесь были тонкими. Он слышал, как за стеной дышали соседи, как капала вода из крана в ванной этажом выше, как кто-то внизу ругался с женой.

И ещё он слышал её.

Она жила в квартире за стеной. Марк никогда её не видел, но знал о ней почти всё: она вставала в семь утра, потому что слышал звон будильника; она любила готовить, потому что запах выпечки просачивался сквозь щели в стене; она напевала, когда мыла посуду — тихую, грустную мелодию, которую он не мог узнать. Иногда по ночам, когда он лежал без сна, глядя в потолок, он слышал, как она ходит по комнате. Лёгкие, почти бесшумные шаги. А затем — тихий звон. Это звенели её серёжки. Маленькие, серебряные полумесяцы.

Он никогда не думал о ней раньше. Его собственная жизнь казалась ему настолько пустой, что чужая жизнь за стеной казалась почти нереальной. Но в последние две недели он начал замечать её присутствие острее, чем раньше. Может быть, потому что он перестал спать. Или потому что тишина в его собственной квартире стала такой громкой, что он искал любой звук, чтобы заглушить её.

Он сидел на старом, продавленном диване, укутавшись в выцветший плед, и смотрел на стену. Обои с выцветшим, едва заметным узором напоминали ему о бабушке. Теперь обои потрескались по углам, и в одном месте, у батареи, они отслоились, обнажая серый, шершавый бетон.

На столике рядом с диваном стояла кружка с давно остывшим чаем. На поверхности образовалась мутная, коричневая плёнка, в которой плавали чайинки, осевшие на дно. Рядом лежала недоеденная горбушка хлеба — засохшая, твёрдая, как камень. Он откусил от неё вчера, но не смог прожевать. Еда казалась ему безвкусной.

Тишина. Густая, липкая, тягучая. В ней тонули все звуки. Даже капли из крана на кухне, которые падали в металлическую раковину с мерным, жестяным звуком, казались ему глухими, далёкими. Кап. Кап. Кап. Они отбивали ритм, которого он не хотел слышать.

Он смотрел на свои руки. Костяшки правой руки всё ещё хранили шрамы — бледные, розоватые линии, которые остались от ударов по стеклу поезда.

На четвёртый день, когда в холодильнике закончились даже хлеб и масло, Марк наконец собрал остатки воли в кулак. Он заставил себя подняться с дивана. Его суставы хрустнули, спина заныла — он слишком долго сидел в одном положении, скрючившись, как больной старик. В комнате было холодно — батареи едва грели.

Он натянул старую, выцветшую толстовку цвета хаки. Она пахла сыростью и пылью. Джинсы были мятыми. Он едва завязал шнурки на кроссовках — пальцы не слушались, дрожали, и шнурки выскальзывали, пока он не сжал их зубами.

Он вышел на лестничную площадку и захлопнул за собой дверь.

На лестнице было темно. Лампочка на площадке перегорела ещё месяц назад, и никто не спешил её менять. Пахло пылью, мокрыми ковриками и старой краской. Марк спускался медленно, держась за перила. На втором этаже он остановился. На секунду ему показалось, что из-за двери напротив доносится звук — та самая тихая мелодия, которую он слышал по ночам.

Он постоял секунду, вслушиваясь, потом покачал головой и пошёл дальше.

На улице было серо. Небо затянуло плотными, свинцовыми тучами. Воздух был влажным, холодным. Осень пропитала всё вокруг — мокрые листья, прилипшие к асфальту, запах прелой травы. Он шёл по тротуару медленно, опустив голову. Он смотрел на трещины в асфальте, на лужи, в которых отражалось серое небо.

Ему нужно было просто зайти в продуктовый магазин и вернуться. Но когда он вышел из подъезда и повернул налево, он вдруг остановился. Его ноги перестали двигаться. Вместо того чтобы пойти в магазин, он повернул направо.

Он остановился перед витриной маленькой кофейни, которая находилась на первом этаже соседнего подъезда.

Вывеска была старой, деревянной: «У старого дуба». Внутри горел тёплый, жёлтый свет, который пробивался сквозь витринное стекло и падал на мокрую брусчатку. На стекле висела табличка: «Открыто. Заходите, здесь тепло».

Марк толкнул дверь.

Колокольчик над дверью мелодично звякнул — тонкий, серебряный звук, похожий на смех. И в тот же момент Марк почувствовал, как его окутывает тёплый, густой воздух. Внутри пахло уютом — смесь свежемолотого кофе, горячего молока, ванили и выпечки.

И в центре этого тёплого, светлого пространства стояла она.

Ася. Девушка за стеной.

Она стояла за стойкой — невысокая, с тёмными, слегка растрёпанными волосами, собранными в небрежный пучок. На ней был льняной фартук цвета кофе с молоком, перепачканный мукой и тёмным шоколадом. Она сосредоточенно протирала белую фарфоровую чашку белым полотенцем.

Когда колокольчик звякнул, она подняла голову. И у Марка перехватило дыхание.

У неё были тёмные глаза — глубокие, почти чёрные, с золотыми искорками. Она улыбнулась — не широко, а просто уголками губ, будто видела его много раз.

— Добро пожаловать! — голос у неё был звонкий, чуть хриловатый. — Садитесь, где вам удобно. Я сейчас подойду.

Марк кивнул, не говоря ни слова. Он сел на деревянный стул с высокой спинкой. Стул скрипнул под ним. Он уставился в столешницу, рассматривая рисунок древесных годовых колец.

Он слышал, как за его спиной звякнула чашка, как зашипела кофемашина. И он слышал, как она напевала ту самую грустную мелодию, что слышал по ночам.

Через минуту она подошла к нему. В руках у неё был маленький блокнот в клетку и огрызок карандаша.

— Что будете заказывать? — спросила она. Она говорила просто, будто знала его много лет.

— Я не знаю, — сказал Марк. — Что-нибудь... горячее.

— Лате? Капучино? — она наклонила голову. — А может, горячий шоколад? — она мягко улыбнулась. — Ты выглядишь так, будто тебе нужно что-то очень сладкое.

Марк поднял глаза. И тут он увидел их. Серёжки. Маленькие, серебряные полумесяцы, которые чуть покачивались. Те самые, звон которых он слышал по ночам.

— Ты живёшь за стеной, — сказал он хрипло. — Я слышу тебя по ночам.

Ася замерла на секунду. А потом её улыбка стала шире.

— А ты живёшь за этой стеной, — сказала она. — Я знаю. Я слышу, как ты ходишь по комнате. Как ты останавливаешься у стены и молчишь. — Она наклонила голову. — Я думала, ты просто не любишь людей.

— Я не люблю людей, — честно сказал Марк. — Но сегодня я вышел, потому что у меня кончилась еда.

Она тихо засмеялась — тёплым, грудным смехом, который звучал как перезвон колокольчиков.

— Тогда я обязана тебя накормить. Горячий шоколад, да? Я принесу тебе ещё печенье.

Она ушла за стойку. Марк смотрел, как она взбивает пену, как посыпает её корицей.

Когда она принесла ему заказ, она поставила перед ним не только кружку, но и тарелку с тремя кривоватыми, слегка подгоревшими печеньями.

— Это я сегодня утром напекла, — сказала она. — Одно подгорело, но оно всё равно вкусное. Я проверяла. — Она подтолкнула тарелку ближе к нему. — Мы соседи. Я не могу позволить тебе голодать.

Марк посмотрел на печенье. Оно было тёплым. От него пахло маслом, сахаром и ванилью. Он не ел домашней выпечки с тех пор, как не стало его бабушки. Этот запах был как воспоминание.

— Спасибо, — сказал он. Голос дрогнул.

Ася заметила это. Она не отвернулась. Она просто села на стул напротив него, сложила руки на столе и посмотрела ему прямо в глаза.

— Ты не похож на человека, который пришёл просто выпить кофе, — сказала она тихо. — Ты похож на человека, который очень устал.

Марк сжал кружку. Горячий шоколад согревал ему ладони. Он чувствовал, как тепло разливается по пальцам.

— Я устал, — сказал он. — Очень.

Она не стала спрашивать, почему. Она просто кивнула и протянула ему руку через стол.

— Марк, — сказала она. — Я соседка. Если тебе станет слишком тихо, просто постучи в стену три раза. Я услышу. И я приду.

Она встала, поправила фартук и ушла за стойку. Она не обернулась. Она просто продолжила напевать ту же мелодию.

Марк смотрел в окно на мокрые листья, на серое небо. Он не знал, что эта девушка, его соседка за стеной, станет тем человеком, кто вытащит его из этой ямы. Он просто пил горячий шоколад и чувствовал, как внутри него начинает прорастать тонкий, робкий росток тепла.

Он откусил печенье. Оно было тёплым, хрустящим по краям. Вкус жизни.

— Привет, Барсик, — сказал он тихо, глядя на рыжего кота, который лежал на подоконнике.

Кот лениво моргнул.

С этой встречи началась их история. Сначала он спускался в кофейню. Потом она поднималась к нему со свежим супом. Они сидели на полу его кухни, пили чай и слушали, как за окном шумит дождь. Она не спрашивала его о прошлом. И он не спрашивал её.

Но однажды вечером, когда они сидели на старой лавочке в парке, она повернулась к нему и сказала:

— Я знаю, что ты боишься. Но ты не один.

Он посмотрел в её тёплые глаза и понял, что уже не сможет её отпустить.

Глава 2. Три удара в стену

Прошло три недели после первой встречи.

Марк перестал считать дни. Не потому, что ему было всё равно, а потому, что в его жизни появился ритм.

Каждое утро, ровно в семь, за стеной звонил будильник. Марк лежал в кровати, смотрел в потолок и слушал, как она встает. Слышал, как её шаги пересекают комнату, как она открывает кран на кухне, как тихо напевает. Он ждал этого момента. Ждал, чтобы убедиться, что мир за стеной всё ещё существует, что он не один.

Через час он слышал её шаги на лестнице. Она спускалась в кофейню. А ещё через пятнадцать минут в его дверь раздавался тихий, осторожный стук.

Стук. Стук. Два коротких, один чуть длиннее. Она стучала только так — этот ритм был их паролем.

Первые три дня Марк не открывал. Он просто сидел на диване, смотрел на дверь и слушал, как стихают её шаги. На четвёртый день он заставил себя встать, подойти к двери и приоткрыть её.

На пороге стояла Ася. В руках у неё была тарелка, накрытая белым полотенцем. От неё шёл пар, пахло куриным бульоном и зеленью.

— Я принесла тебе суп, — сказала она, не спрашивая, почему он не открывал три дня. — Ты выглядишь так, будто не ел горячего уже неделю.

Марк посмотрел на тарелку. Пар поднимался вверх, оседая на стекле. Внутри у него что-то дрогнуло.

— Спасибо, — сказал он.

Он взял тарелку. Их пальцы соприкоснулись на секунду. Её руки были тёплыми.

— Если тебе понадобится что-то ещё — я за стеной, — сказала она. И ушла, не оглядываясь.

Суп был горячим и солёным, с кусочками моркови и картофеля. Марк съел его, сидя на полу, прямо у двери. Он чувствовал, как тепло разливается внутри него, заполняя пустоты, которых он не замечал.

На следующий день она принесла ему бутерброды с ветчиной и сыром. Через день — шарлотку. Её визиты стали привычкой. Он перестал ждать, когда она постучит. Он ждал её.

Они перестали разговаривать на пороге. Она заходила внутрь, ставила еду на стол, садилась на корточки и смотрела на него. Иногда она рассказывала ему смешные истории о посе-

тителях кофейни, о том, как Барсик опрокинул банку с молоком. Иногда они просто сидели молча, слушая, как капает кран и шумит ветер за окном.

Однажды вечером он не выдержал. Когда она сидела на полу его кухни, поджав под себя ноги, он спросил:

— Почему ты это делаешь? Ты меня не знаешь. Я не дал тебе повода меня кормить.

Ася повернулась к нему. В её глазах не было жалости — только спокойствие.

— Потому что я знаю, каково это — когда в квартире слишком тихо, — сказала она. — Потому что я слышу, как ты дышишь через стену. И потому что мне кажется, что ты слишком долго ждал, чтобы кто-то просто сел рядом с тобой и ничего не требовал.

Марк посмотрел на неё. На её тёмные, растрёпанные волосы. На её руки, испачканные мукой.

— Ты всегда такая? — спросил он.

— Какая?

— Добрая.

Она засмеялась — тихо, хрипло.

— Нет. Просто я умею вовремя замечать, когда кому-то нужна тарелка супа.

С этого вечера он начал рассказывать ей о себе. Не о Кирилле — он не был готов к этому. Но о мелком: как он работал архитектором, как любил рисовать мосты, как у него была старая коллекция марок, которую он собирал в детстве. Ася слушала, кивала, иногда задавала вопросы. Она не торопила его. Она просто была рядом.

Она уходила всегда в одно и то же время — около девяти вечера. И перед уходом она всегда смотрела на него и говорила:

— Если станет совсем тихо, постучи в стену три раза. Я услышу.

И однажды ночью это случилось.

Марк проснулся оттого, что не мог дышать. Ему приснился сон. Он видел мокрый асфальт, чёрный шлем, катящийся по дороге. Он слышал звук удара. Сердце колотилось так сильно, что казалось, оно разорвёт грудную клетку. В комнате было темно и душно.

Он сел на кровати, обхватил голову руками и зажмурился. Тишина давила на него. Она была громче любых звуков. Он не мог слышать ни капель, ни ветра за окном. Только глухой, пульсирующий шум в ушах.

И тогда он вспомнил её слова.

Он встал, подошёл к стене, разделяющей их квартиры, и постучал. Раз. Два. Три.

Сначала ничего не произошло. Марк стоял, прижав ладонь к холодной стене, и ждал. Прошла минута. Потом две.

А потом он услышал ответ.

Тихий, осторожный стук с той стороны. Раз. Два. Три.

А затем — её голос. Приглушённый, тёплый, будто она стояла у самой стены, положив ладонь на штукатурку.

— Я здесь, — сказала она. — Ты не один.

Марк прижался лбом к стене, чувствуя, как вибрация от её голоса проходит сквозь бетон. Он не знал, что сказать. Он просто стоял и слушал её дыхание.

— Марк, — сказала она тихо. — Если хочешь, я могу сидеть здесь и молчать. Или расскажу тебе, как я сегодня пыталась испечь шарлотку и забыла положить сахар. Выбор за тобой.

Марк засмеялся — хрипло, на выдохе. Впервые за долгое время.

— Расскажи про шарлотку, — сказал он.

И она рассказала. Она говорила о том, как выливала тесто в форму, как поставила её в духовку, как через двадцать минут поняла, что забыла сахар, и как Барсик сидел на стуле и услышал её. Она говорила, а он стоял, прижавшись к стене, и слушал.

Он чувствовал, как его дыхание становится ровнее. Как спадает напряжение в плечах.

Когда она замолчала, он прошептал:

— Спасибо.

— Всегда пожалуйста, — ответила она. — Спокойной ночи, Марк.

— Спокойной ночи, Ася.

С тех пор стук в стену стал их ночным ритуалом.

Через несколько месяцев Марк начал возвращаться к жизни. Не сразу, медленно, как дерево, которое выпускает первые листья после долгой зимы. Он начал мыть посуду. Он начал зашторивать окна по вечерам. Он даже пару раз взял в руки карандаш — но не чертил мосты, просто рисовал линии, которые потом стирал.

И однажды Ася сказала ему:

— Завтра я выходная. Хочешь, я покажу тебе то место, где я работаю?

Марк нахмурился.

— Ты работаешь не только в кофейне?

— Я работаю в кофейне по утрам, — сказала она. — А вторая моя работа — в гараже.

В её голосе прозвучала гордость. Марк заметил, как она выпрямилась, когда произнесла это слово.

— В гараже? — переспросил он. — Ты чинишь машины?

— Не машины. Мотоциклы.

Услышав это слово, Марк замер. Внутри него сжалась пружина. Он снова почувствовал холод, который начал отпускать его.

— Я не очень люблю мотоциклы, — сказал он. Его голос был глухим.

Ася заметила это. Она не настаивала. Она просто кивнула.

— Тогда не будем, — сказала она. — Мы можем просто съесть мороженое.

Но через три дня Марк пришёл к ней сам.

Он стоял на пороге её квартиры — на втором этаже, за той самой стеной. Он постучал. Она открыла. В руках у неё был кусок ткани, испачканный машинным маслом. На щеке у неё была сажа.

— Я готов, — сказал он. — Покажи мне гараж.

Они вышли на улицу. Ася вела его через двор, мимо старых гаражей, покрытых ржавчиной и мхом. Воздух здесь пах бензином и сырым бетоном. Они остановились перед ржавыми воротами. Ася открыла замок.

Когда ворота со скрипом отворились, Марк увидел нечто, от чего у него перехватило дыхание.

Внутри стоял мотоцикл. Чёрный, тяжёлый, спортивный. Марк узнал его мгновенно — по обтекаемым линиям, по низкой посадке. Он шагнул вперёд, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Но это был не тот мотоцикл. Это был другой. Похожий, но другой.

Ася стояла рядом и смотрела на него.

— Это мой, — сказала она тихо. — Я собрала его сама. По запчастям. Его зовут «Чёрный». Он мой лучший друг.

Марк смотрел на мотоцикл, чувствуя, как в груди борется страх и любопытство. Он не мог отвести взгляд. Машина была идеальной, вылизанной до блеска. На баке красовалась наклейка — череп в розовых очках.

Марк смотрел на наклейку, и что-то внутри него дрогнуло. Он не знал, откуда она взялась. Но она показалась ему странно знакомой. Словно он видел её где-то раньше, в другой жизни.

— Она красивая, — сказал он тихо. — Ты сама её собрала?

— Сама, — сказала Ася. — Каждую деталь.

Она подошла к мотоциклу и провела рукой по баку.

— Я хотела показать тебе, что не всё в этом мире надо бояться, — сказала она тихо. — Некоторые вещи можно собрать заново. Даже если они были разбиты.

Марк стоял, глядя на мотоцикл, на наклейку, на руки Аси, испачканные маслом. Он не знал, что её лучшим другом был Кирилл. Он не знал, что этот мотоцикл они собрали вместе. Он просто стоял и чувствовал, как внутри него, там, где была ледяная пустота, начинает медленно таять лёд.

— Можно мне дотронуться до неё? — спросил он.

Ася кивнула.

Марк протянул руку и коснулся холодного, гладкого металла. Он чувствовал его под пальцами — живой, настоящий. И впервые за долгое время он не отдернул руку.

Глава 3. Первый шаг.

За долгое время, Марк сел на мотоцикл.

Они стояли в гараже, и воздух вокруг них казался плотным, как старый машинный бензин, смешанный с тишиной.

Марк смотрел на мотоцикл. Только один. Чёрный, тяжёлый, спортивный. Он стоял в центре гаража, на подставке, отполированный до зеркального блеска. От него пахло маслом, металлом и жизнью. На баке красовалась наклейка — череп в розовых очках. Марк узнал её. Он не знал, откуда, но узнал. Она показалась ему странно знакомой.

Ася стояла рядом с ним. Она не говорила, не объясняла — она просто давала ему пространство. Её руки были испачканы машинным маслом, и она машинально вытирала их о джинсы.

— Я хотела показать тебе, что не всё в этом мире надо бояться, — сказала она тихо. — Некоторые вещи можно собрать заново. Даже если они были разбиты.

Марк смотрел на мотоцикл. Он чувствовал, как его тело напрягается, как мышцы на спине застывают. Он не садился на мотоцикл три года. Он поклялся себе, что никогда больше не сядет. Он помнил тот день, ту дорогу, тот звук удара. Он помнил всё.

— Это твой? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Да, — сказала Ася. — Я собрала его сама. По запчастям. С нуля.

— Сама? — Марк повернулся к ней. В его глазах было удивление. — Ты собирала его одна?

Ася на секунду замялась. Она смотрела на мотоцикл, и в её глазах мелькнула тёплая, светлая грусть.

— Не совсем, — сказала она. — У меня был друг. Он помогал мне. Мы собирали его вместе. Я знала про двигатель, а он — про раму. Он был тем, кто научил меня чувствовать железо.

Марк посмотрел на неё. Она не говорила о боли. Она говорила о дружбе. О том, что было сделано с теплом.

— Он был хорошим другом?

— Очень, — сказала она. — Он был тем человеком, который всегда говорил: «Даже если ты упадёшь — мотоцикл не сломается. Если ты соберёшь его с душой, он выдержит всё».

Марк смотрел на мотоцикл. На наклейку. На её руки, которые держали этот металл.

— Можно мне сесть на него? — спросил он.

Ася посмотрела на него. Она видела, как дрожит его рука, как сжата челюсть. Она видела страх, спрятанный за решимостью. Она не стала спрашивать, почему он колеблется. Она просто кивнула.

— Садись. Я подержу.

Марк медленно подошёл к мотоциклу. Его ноги двигались тяжело, будто он шёл по колёно в воде. Он протянул руку и коснулся руля. Металл был холодным, гладким, знакомым.

Он зажмурился на секунду. Вдохнул. Выдохнул. Потом перекинул ногу через седло.

Седло было жёстким. Он сел, держась за руль, и почувствовал, как его тело заново учится балансу. Его руки сжали рукоятки — сначала неуверенно, потом крепче. Он чувствовал, как земля уходит из-под ног, но в то же время — как она держит его.

Ася стояла рядом, держась за заднюю часть мотоцикла.

— Чувствуешь? — спросила она.

— Что?

— Как он дышит, — сказала она. — Даже с выключенным мотором он дышит. Он ждёт, когда его заведут.

Марк сидел на мотоцикле и смотрел вперёд на пустой гараж. Он чувствовал запах железа и масла. Он чувствовал, как его тело помнит это положение — руки на руле, ноги на подножках. Его тело помнило, даже если разум пытался забыть.

Он сидел так две минуты, не двигаясь. Он чувствовал, как внутри него, там, где была ледяная пустота, медленно начинает таять лёд.

— Спасибо, — сказал он наконец. Его голос был хриплым. — Это было... важно.

Он медленно слез с мотоцикла и встал на ноги. У него дрожали колени. Но он стоял. Ася смотрела на него с тёплой, спокойной улыбкой.

— Он хороший, — сказала она. — Он ждал тебя.

Марк посмотрел на неё.

— Ты всегда так говоришь о мотоциклах? Как о живых существах?

— Потому что они живые, — сказала она. — Они чувствуют, кто на них сидит. Они чувствуют, когда их боятся. И они чувствуют, когда их любят.

Марк смотрел на чёрный мотоцикл. В свете тусклой лампы он казался почти живым.

— Твой друг, — сказал он. — Тот, кто помогал тебе собирать его. Он ещё помогает тебе?

Ася опустила взгляд. Она провела рукой по бензобаку.

— Он ушёл, — сказала она тихо. — Но я думаю, что он всё ещё здесь. В каждой детали, которую мы подбирали вместе. В каждом болте, который мы закручивали.

Марк смотрел на неё. Он чувствовал, как её слова ложатся на его собственную рану. Он понимал её. Может быть, больше, чем она думала.

— Я тоже кого-то потерял, — сказал он тихо.

Ася подняла на него взгляд. Она не спрашивала, кто. Она не просила его объяснять. Она просто стояла рядом, разделяя его тишину.

— Тогда, может быть, — сказала она, — мы оба собираем то, что нам оставили.

Она протянула ему руку. Её ладонь была тёплой, чуть шершавой от масла.

— Хочешь, я покажу тебе, как он звучит? Без дороги. Просто здесь, в гараже.

Марк посмотрел на её ладонь. Потом на мотоцикл. Он всё ещё боялся. Но впервые за три года он почувствовал, что страх — это не приговор.

Он взял её за руку.

— Да, — сказал он. — Покажи мне.

Ася улыбнулась. Она села на мотоцикл, завела его — и гараж наполнился низким, тягучим рёвом. Марк стоял рядом и слушал, как мотор дышит, как металл оживает.

Он смотрел на неё. На её руки, держащие руль. На её лицо, освещённое светом лампы. На наклейку на баке — череп в розовых очках.

Он не знал, что это был тот самый мотоцикл, на котором разбился Кирилл. Он не знал, что Ася восстановила его из груды обломков. Он просто смотрел на неё, на её улыбку, на мотоцикл, который она собрала с другом, который ушёл.

И чувствовал, как внутри него, на месте старой раны, начинает прорасти что-то новое. Тёплое. Живое. Настоящее.

Глава 4. Ночной ветер.

Прошло 3 дня.

Прошло три дня после их первого визита в гараж. Марк не спал. Он лежал на диване и смотрел на свои ладони. Они всё ещё помнили холод металла, твёрдость руля. Он сжимал и разжимал пальцы, проверяя, помнит ли тело то ощущение. Оно помнило. И это пугало его, но в то же время будило что-то давно забытое.

Он встал с дивана и подошёл к окну. За окном была ночь. Город горел огнями — жёлтые, оранжевые, белые пятна, расплывающиеся в осенней сырости. Вдалеке, за крышами домов, темнел силуэт старого моста. Он смотрел на него и чувствовал, как в груди поднимается глухое, давно забытое волнение.

В дверь постучали. Два коротких удара, один чуть длиннее.

Он открыл. На пороге стояла Ася. На ней была кожаная куртка, джинсы и старый, потёртый шлем, который она держала в руках.

— Надевай, — сказала она, протягивая ему второй шлем — чёрный, с небольшим сколом на визоре. — Поехали.

Марк посмотрел на шлем. Потом на неё.

— Куда?

— Просто покатаемся. Ночью. По городу. Я покажу тебе то, что ты пропустил.

Марк смотрел на шлем, и внутри него боролись две силы. Одна говорила ему: «Нет. Не делай этого. Ты знаешь, чем это заканчивается». Другая, тихая, но настойчивая, шептала: «Ты уже проиграл столько лет. Может быть, пришло время выиграть что-то».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.